

Глава 8

Последние мгновения перед отъездом прошли в молчании и аромате цветов, и Янь Цзи был этим вполне доволен.

Перед тем как подняться на борт звездолёта, он поцеловал Чжун Цина в лоб.

— Ты всегда так дорожишь своими цветами, что я порой даже ревную. Когда я вернусь, сорвёшь для меня один в честь победы?

Чжун Цин выдавил из себя слабую улыбку.

Он хотел выразить радость, но в его глазах всё равно застыла печаль.

Он легко обнял Янь Цзи и прошептал ему на плечо:

— Ты такой глупый. Ты можешь сорвать любой из моих цветов. Ведь я посадил их для нашего дома. Они все твои.

Руки Янь Цзи резко сжались, словно он хотел вдавить Чжун Цина в себя, в свою кровь и плоть. Он наклонился, коснулся губами кончика его носа, а затем отпустил.

— Я ухожу.

Он развернулся и зашагал прочь, не оборачиваясь до тех пор, пока не закрылся люк корабля. Он сдержал желание оглянуться, чтобы не поддаться искушению бросить всё и остаться. Поэтому он не увидел, как по лицу того, кто провожал его, текут слёзы.

Андре никогда не видел, чтобы кто-то плакал так — крупными, тяжёлыми слезами.

Он плакал беззвучно, но каждая слеза, катившаяся по его щеке, отдавалась болью в сердце, и этот безмолвный плач был мучительнее любого рыдания, заставляя даже постороннего наблюдателя чувствовать необъяснимую скорбь.

Андре даже показалось, что тот вот-вот упадёт в обморок от горя, но Чжун Цин лишь слегка пошатнулся и, прежде чем Андре успел протянуть руку, чтобы поддержать его, развернулся и вошёл в дом.

В его мыслях, казалось, был только муж, ушедший на войну. Он совершенно не заметил гостя, последовавшего за ним, и, войдя в виллу, с грохотом захлопнул дверь.

Он хотел остановить слёзы, но из-за особенностей физиологии омеги они текли лишь сильнее.

Лишь спустя полчаса, когда он устал до такой степени, что не мог поднять палец, его эмоции наконец улеглись.

Он, ослабевший, оперся о дверь и встал. Его лицо было холодным, как никогда.

«Андре такой бестактный, — с гневом подумал он. — Если бы он не пришёл, мне бы не пришлось плакать».

«Учитывая их отношения с Янь Цзи, было бы странно, если бы он не пришёл», — резонно заметила Система.

Несмотря на это, Чжун Цин был очень недоволен.

Это был один из тех редких случаев, когда его тело полностью взяло верх над эмоциями.

Этого бы не случилось, если бы Янь Цзи не поставил ему полную метку. Под мощным воздействием феромонов альфы всё его ментальное сопротивление оказалось тщетным.

Чжун Цин не мог выносить это чувство бессилия.

Генная инженерия наделила альф огромной физической силой и звериной интуицией, а омег — способностью легко беременеть и рожать здоровое потомство.

Но в мире не бывает ничего даром. Раз они превосходили обычных людей в бою и размножении, значит, должны были иметь другие недостатки.

Железа на шее и была этим недостатком.

Во время течки ни один, даже самый чистокровный, альфа или омега не мог контролировать свои феромоны. Они, подобно диким зверям, теряли разум и безумно спаривались.

Агрессия и размножение — это звериные инстинкты. Весь проект генной инженерии был направлен на подавление части человеческого и пробуждение части звериного.

Но история человечества — это история развития разума. Разум не может деградировать, он может лишь преобразиться.

Кто знает, когда наступит время этого преобразования, не будут ли те, кто обладает звериными инстинктами, отрезаны от древа истории, как засохшие корни.

Когда заяц пойман, гончих съедают; когда птицы перебиты, лук выбрасывают.

Урок с роботами был усвоен. Поэтому, столкнувшись с очередной проблемой нехватки населения, человечество решило провести генную инженерию на своих соотечественниках, видимо, будучи уверенным, что эти новые, усовершенствованные люди не поднимут восстание, как роботы много лет спустя.

Но на чём основывалась эта уверенность?

«Система, я слышал, что отправить Янь Цзи в этот поход предложили беты из парламента?»

«Да, а что?»

«Ничего, просто я подумал... Говорят, альфы воинственны, но Янь Цзи несколько раз говорил мне, что хочет уйти в отставку. А вот беты, стоящие у власти, на заседаниях парламента то и дело обсуждают предложения о внешней экспансии».

«Они же делают это ради захвата ресурсов, разве нет?» — недоумевала Система.

Чжун Цин покачал головой.

Альянс уже расширился до внешних границ галактики, и в ближайшее время недостатка в ресурсах не предвидится.

Настало время отдохнуть и восстановить силы, но войны не прекращались ни на день, а наоборот, становились всё более ожесточёнными. Однако выгода от завоевания этих маленьких звёздных систем, возможно, даже не покрывала огромных военных расходов Альянса.

Это была не только внешняя экспансия, но и внутреннее истощение.

Бесчисленные воины-альфы погибли в этих войнах. Беты в безопасных зонах унаследуют их омеги, и рождённые дети будут либо такими же обычными бетами, как их отцы, либо омегами с повышенной способностью к деторождению.

Альфы постепенно исчезнут.

Когда-то они были инструментом для поддержания власти Альянса, но когда они стали новым фактором нестабильности для правящего класса, их участь была предрешена.

По сравнению с сильным и непредсказуемым военным инструментом, омеги — красивые и слабые — вряд ли станут объектом целенаправленного уничтожения со стороны Альянса.

Но кем они тогда станут?

Бетам не нужны их феромоны для успокоения, и им не обязательно вступать с ними в брак. Они станут ненужными, без каких-либо полезных навыков, и быстро превратятся в самый низший слой общества.

Насильственное снятие метки, принудительные частые роды, многократная перепродажа на рынке рабов, заключение в клетки в качестве игрушек для знати или превращение в самых презренных проститутов в трущобах.

Любая из этих судеб была бы мучительнее и грязнее, чем смерть от снаряда на поле боя.

«Система, с тех пор как я попал в этот мир, меня мучает один вопрос».

«Какой?»

«Почему это тело обладает боевой силой, сравнимой с силой альфы?»

«А разве ты не сам его натренировал?» — удивилась Система.

«В этом мире нет духовной энергии, я не могу совершенствоваться, а значит, не могу изменить это тело путём очищения. Если бы я был обычным омегой с изменёнными генами, то, как бы я ни тренировался, у меня бы просто выросли мышцы. Но я могу победить альфу А-класса, а это для омеги невозможно. Я хочу знать, это ошибка в сюжетной линии мира или у этого тела... действительно есть миссия?»

«К-какая миссия?» — растерянно спросила Система.

Чжун Цин задумался.

Омеги тоже получали какое-то образование, но его целью было лишь угодить своим мужьям, и оно не давало им никакой возможности найти работу.

За исключением Чжун Цина.

Когда-то он был единственным воином-омегой в Альянсе, а теперь — единственным профессором-омегой.

«Будучи единственным омегой, получившим военное образование, я лучше всех в этом мире понимаю наше положение. Чужакам доверять нельзя, ни на альфа, ни на бет нельзя положиться. И если омеги этого поколения захотят изменить свою судьбу, то я — их

единственный шанс».

Когда Андре снова пришёл в гости, его, как и в прошлый раз, сначала проводили на крышу. На этот раз приём был лучше: хотя ароматных угощений по-прежнему не было, ему, по крайней мере, не пришлось ютиться на маленьком стуле.

Он сел в кресло-качалку, в котором обычно сидел Янь Цзи, и посмотрел на Чжун Цина, стоявшего у роз.

Тихий, нежный, изящный, как сон, — вот каким его видел Янь Цзи.

В воздухе витал странный, дерзкий аромат роз.

По сравнению с днём отъезда Янь Цзи, он стал более пустым и одиноким, словно увядающие цветы, опадающие с ветвей. Он чётко отличался от аромата «Эдема», но в то же время переплетался с ним, казалось, не оставляя места ни для чего другого.

В этот цветочный аромат вдруг ворвался холодный запах хвойного леса на снежной равнине. Он был молчаливым, но настойчивым, как обнажённый клинок, сверкающий на солнце.

Чжун Цин наконец обернулся и посмотрел на Андре.

Тот дважды кашлянул, немного сдерживая свои феромоны.

— Метка Янь Цзи слишком сильна.

Они оба были альфами S-класса, и сила их феромонов была примерно равна. Поэтому метка одного вызывала у другого настороженность, словно зверь, забредший на чужую территорию.

Чжун Цин кивнул в знак понимания.

Этот небольшой инцидент наконец вырвал его из мира роз. Он подошёл к Андре и сел рядом, велел роботу-дворецкому принести закуски.

Не приготовленные рукой хозяина, но и это было лучше, чем ничего, хоть и с лёгким оттенком сожаления подумал Андре.

Руки Чжун Цина были свободны, но его мысли были заняты. Он смотрел на кусты роз, о чём-то размышляя. В затянувшейся тишине Андре неожиданно заговорил первым.

Он не был мастером светской беседы и, подумав, смог вспомнить лишь стеклянную оранжерею, которую видел в прошлый раз.

— Как поживает ваш Жуйюньдянь? — как бы невзначай спросил он.

Чжун Цин на мгновение замер, а затем резко вскочил и, схватив лейку, бросился к оранжерее, чуть не споткнувшись о плетёное кресло.

Андре последовал за ним и увидел, что нежные белые хризантемы, забытые хозяином, уже начали увядать. Края их шёлковых лепестков пожелтели.

Железа в этот момент снова дала о себе знать. Эмоции, хлынувшие в мозг, на мгновение захватили нервы Чжун Цина, и, прежде чем он успел опомниться, по его щекам покатались слёзы.

Чжун Цин мысленно выругался, но на людях нужно было поддерживать образ любящего супруга.

— Простите, маршал, за эту сцену... — горько усмехнулся он. — Без Янь Цзи я, кажется, ничего не могу сделать как следует.

Андре молчал.

Даже когда Чжун Цин вытер слёзы и успокоился, он не проронил ни слова.

Наконец Чжун Цин, делая вид, что ничего не случилось, сказал:

— Пора обедать. Маршал, не составите компанию?

Андре молча последовал за ним вниз.

По дороге в столовую Чжун Цин, чтобы заполнить тишину, рассказывал Андре об убранстве дома.

Андре молча слушал. Большая часть мебели была стандартной, военной, и в целом дом мало чем отличался от его соседней виллы. Но из-за того, что здесь жил омега, в каждом углу можно было найти что-то неожиданное.

Например, подушки в виде кошек на диване, защитные накладки на углах стола и записки на холодильнике.

Человек, шедший рядом, без умолку говорил о том, что это любит Янь Цзи, а то хотел Янь Цзи — всё было о Янь Цзи, Янь Цзи, Янь Цзи.

Они сели за стол.

У Чжун Цина пересохло в горле. Он всегда считался хорошим собеседником, в своём мире он однажды одержал победу в споре с сотней мудрецов. Но сейчас, оказавшись перед лицом молчаливого, как истукан, Андре, он не мог придумать ни одной темы для разговора.

Он даже не понял, какое из его слов было неверным, но лицо Андре на глазах становилось всё мрачнее.

Поэтому он замолчал. Во время еды ему в голову пришла внезапная идея, и он вырезал из моркови цветок, чтобы развлечь гостя.

Андре взял морковный цветок с такой застывшей миной, будто держал в руках бомбу.

— Это тоже любит Янь Цзи? — спросил он.

— Янь Цзи не любит морковь, — ответил Чжун Цин. — А вы, маршал, разве нет?

Андре очень медленно поднял глаза. Он посмотрел на Чжун Цина, подозревая, что ослышался или что это сон.

— Откуда вы знаете?

— Я несколько раз видел вас в столовой, — видя его замешательство, Чжун Цин удивлённо поторопил его. — Маршал, ешьте же, я помыл руки.

Он протянул руки и помахал ими перед Андре, показывая, что они действительно чистые.

Его пальцы были белыми и длинными, с изящными костяшками. Единственным недостатком была повязка на указательном пальце: он порезался ножом, когда вырезал морковь. Андре сам перевязал ему рану, заодно незаметно сняв с безымянного пальца обручальное кольцо и оставив его на раковине.

Андре проглотил морковный цветок одним махом.

Съеденный цветок пустил корни в его теле, семена растворились в крови и, разнесясь по сосудам, расцвели, наполнив его сердце сладкой радостью.

Видя, что он съел, Чжун Цин наконец остался доволен.

— Похоже, вкусно. Янь Цзи ещё не видел этого моего таланта. Когда он вернётся, я вырежу ему яблочный цветок.

Воздух, казалось, в одно мгновение похолодел. Морковный цветок, лишённый питательной почвы, тут же увял, и тёплый, сладкий мираж исчез из мира Андре.

Он очнулся.

После ужина Андре встал и попрощался.

Он вернулся в свой дом. Привычная обстановка сегодня казалась особенно одинокой и пустой. Оглянувшись, он увидел вдали розовый особняк, в окнах которого горел тёплый жёлтый свет. Он походил на прекрасную женщину в цветочном венке, которая кротко и тихо ждала чего-то.

Гнев, который он так долго подавлял, снова вырвался наружу.

Три дня, дважды слёзы, и всё из-за одного человека — того, кого ждал и этот дом, и его хозяин.

Когда тот был здесь, в глазах Чжун Цина был он; когда его не было, в сердце Чжун Цина был он.

В голове Андре невольно родилась тёмная мысль:

«Возможно, только если Янь Цзи никогда не вернётся... Чжун Цин сможет его забыть».

<http://bllate.org/book/16114/1582139>